

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 4, 2020

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЭКОНОМИКА	
<i>Волкова С. Л.</i> ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТУРЦИИ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ 8-го И 9-го ПЛАНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (2002-2013 гг.)	8
<i>Гаджиев А. Г.</i> ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС ПОСЛЕ СМЕНЫ РУКОВОДСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 1 ДЕКАБРЯ 2019 г.	24
<i>Ледовская О. А.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНО-ТУРЕЦКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	47
<i>Свистунова И. А.</i> РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА.....	63
<i>Симонов Д. К.</i> ВКЛАД ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ТУРЦИИ В РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	80
<i>Ульченко Н. Ю.</i> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: «НЕИСЛАМСКИЙ» АСПЕКТ	90
ПОЛИТИКА	
<i>Болдырев А. В.</i> К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ТУРЕЦКИХ ВМС В 1991-2019 гг.....	105
<i>Вертяев К. В.</i> СЕВЕРНЫЙ ИРАК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТУРГУТА ОЗАЛА (1989-1993).....	114

Иванова И. И., Горбунова Н. М.
ТУРЦИЯ И ЛИВАН В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ
И КОНФЛИКТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ..... 134

Графов Д. Б.
ЛОББИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ТУРЦИИ В США
ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА 154

Иванова И. И.
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ В XXI в. 182

Корочкина В. А.
ИЗРАИЛЬСКИЕ ЭКСПЕРТЫ О МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ
ТУРЦИИ И ИЗРАИЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 207

Пойя Самеулла
АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ США И АФГАНИСТАНА.
ПЕРСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА АФГАНИСТАНА С РЕГИОНАЛЬНЫМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ..... 227

Цибенко В. В.
КОНКУРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
В ТУРЦИИ: ПРИМЕР ЧЕРКЕСОВ И КРЫМСКИХ ТАТАР..... 237

Саетов И. Г.
ПОПУЛЯРНОСТЬ ТУРЕЦКИХ СЕРИАЛОВ
У РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ 249

РЕЦЕНЗИИ

Лебедева Н. Б.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.П. КАШИНА «НАРЕНДРА МОДИ. ЛИДЕР
СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ» М.: АО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ИКАР», 2020. – 260 с.258

Свистунова И. А.*

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Svistunova Irina**

DEVELOPMENT OF MODERN TURKEY-CHINA RELATIONS: PERSPEKTIVES AND DIFFICULTIES OF COOPERATION

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-063-079

Аннотация: На современном этапе отношения между Турцией и Китаем активно развиваются, включая в себя различные направления взаимодействия. Экономический и политический вес Китая определяет заинтересованность турецкого руководства в углублении сотрудничества. В свою очередь Пекин привлекает выгодное географическое положение Турции, которая имеет доступ к различным регионам. Все это определяет потенциал расширения и диверсификации турецко-китайских отношений. Ключевым источником разногласий между Анкарой и Пекином остается уйгурский вопрос, однако обе стороны прилагают усилия для снижения влияния этой проблемы на перспективы развития двусторонних связей.

Ключевые слова: Турция, Китай, внешняя политика Турции, турецко-китайские отношения, уйгурская проблема.

Abstract: Turkey and China are increasingly active in developing their bilateral relations, which comprise different areas of cooperation. Economic and political influence of China provides growing interest of Turkish government in deepening relations with Beijing. At the same time a unique geographic position of Turkey with its access to different regions attracts China. All these factors specify the possibilities for deepening and diversifying of Turkey-China relations. The Uygur issue remains the key source of disagreement between Ankara and Beijing, but the parties tries to downplay its effect on the prospects of bilateral relations.

Key words: Turkey, China, Turkish foreign policy, Turkish-Chinese relations, the Uighur issue.

В последние годы отношения между Турцией и Китаем отличаются динамичным развитием, что объясняется ростом международной активности обеих стран. Анкара реализует свою стратегию превращения в державу глобального уровня и в качестве одного из инструментов достижения этой цели использует расширение связей с ведущими странами мира. Экономический и политический вес Китая определяет заинтересованность турецкого

* Свистунова Ирина Александровна – к.и.н., старший научный сотрудник ИМЭМО РАН; e-mail: svistunova.irina@gmail.com. ORCID 0000-0001-5191-9090

** Svistunova Irina – Ph. D. (History), Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO); e-mail: svistunova.irina@gmail.com.

руководства в углублении сотрудничества. В свою очередь Пекин привлекает выгодное географическое положение Турции, которая имеет доступ к различным регионам. Не последнее значение играют экономические связи Анкары с Евросоюзом, которые облегчают доступ китайских компаний к европейскому рынку. Взаимодействие с Турцией важно для Китая в контексте реализации его программы «Один пояс, один путь» по возрождению Шелкового пути. Турция поддерживает китайский проект, рассчитывая играть важную роль в международных торговых маршрутах. Анкара заинтересована в притоке китайских инвестиций, в том числе в реализацию различных мега-проектов. В то же время растущее турецкое население представляет собой емкий рынок сбыта китайской продукции.

Турецко-китайские отношения активизировались в период правления в Турции Партии справедливости и развития (с 2002 г. по настоящее время), когда начался регулярный обмен визитами на высоком и высшем уровнях, расширилось экономическое сотрудничество, углубились связи в гуманитарной и военно-технической сферах. В 2010 г. было объявлено о выходе двусторонних отношений на уровень «стратегического партнерства»¹. За истекший период турецкий лидер Р. Т. Эрдоган посетил Китай трижды – в 2012, 2015 и 2019 гг., что свидетельствует о внимании Анкары к китайскому направлению.

К визиту Эрдогана в Китай в июле 2019 г. была приурочена публикация его статьи в китайской ежедневной газете *Global Times*, выходящей на английском языке и посвященной международным событиям. В статье под названием «У Турции и Китая общее видение будущего» говорилось, что две страны представляют древние цивилизации и обе они послужили интересам всего мира, внося свой вклад в функционирование Шелкового пути. Транспортная инфраструктура на территории современной Турции (включая мосты через Босфор и туннель под ним, скоростные железные дороги и автострады) является частью маршрута, соединяющего Пекин и Лондон.

По мнению президента Турции, «китайская мечта» и «турецкая мечта» заключаются в том, чтобы страны заняли достойное место на мировой арене. Мир нуждается в новом порядке, в котором не будет однополярности. «Турция и Китай – самые древние мировые цивилизации, – обязаны внести вклад в построение новой системы», – отметил Р. Т. Эрдоган².

Развитие многоплановых экономических связей

В ходе визита Эрдогана в Китай стороны обсуждали возможности расширения сотрудничества в рамках проекта «Один пояс, один путь». Речь шла о таких сферах как торговля, энергетика, инвестиции, финансы и образование. Турецкое руководство придает большое значение участию в проекте возрождения Шелкового пути, одна из ветвей которого пройдет по территории Турции. Этот позволит стране стать транзитным коридором

в процессе движения грузопотоков из Азии в Европу и в обратном направлении. Китайский проект удачно вписывается в турецкую концепцию «моста, соединяющего континенты» и может принести Турции расширение торгово-экономических связей и дивиденды за транзит.

Торгово-экономическая составляющая турецко-китайских отношений получила значительный импульс развития в последние годы. В 2003 г. торговля с КНР занимала десятое место в общем объеме внешней торговли Турецкой Республики (3,1 млрд долл.)³. В 2009 г. Китай стал третьим по величине торговым партнером Турции (после Германии и России). В 2019 г. торговый оборот между двумя странами превысил 21 млрд долл.⁴ Руководством двух стран провозглашена цель увеличения его до 100 млрд долл.⁵, однако временные рамки выполнения этой задачи остаются открытыми. Председатель Турецко-китайского делового совета М. Колбаши заявил в марте 2019 г., что Турция рассчитывает удвоить свой экспорт в Китай к 2021 г.⁶ В свою очередь генеральный консул Китая в Стамбуле Куй Вэй отметил, что суммарный объем торговли между двумя странами за последние 5 лет достиг 100 млрд долл.⁷

Как и в торговых отношениях Анкары со многими другими странами, в торговле между Турцией и Китаем наблюдается дисбаланс: объем турецкого экспорта значительно меньше, чем объем импорта. В 2019 г. экспорт Турции составил 2,5 млрд долл., в то время как импорт – 18,5 млрд долл.⁸

Турецкий импорт из Китая состоит, в первую очередь, из электрических машин и оборудования, звуко- и видеоустройств, телевизионного оборудования, запчастей и комплектующих к ним – 29,4%⁹. Вторая товарная группа включает в себя котлы, машины, механические приборы и инструменты, ядерные реакторы, запчасти и комплектующие к ним – 21,6%¹⁰. Следующая группа – продукты органической химии, – занимает всего 4% турецкого импорта¹¹. То есть, как минимум половину китайского экспорта в Турцию составляют высокотехнологичные товары.

Структура турецкого экспорта в Китай, напротив, носит преимущественно сырьевой характер. На первом месте находятся соль, сера, природные камни, известняк, цемент. Доля этой товарной группы составляет 36,5%¹². Значительное место занимают металлические руды (хром, медь, свинец, железо, цинк и пр.), шлак и пепел – 20,1%¹³. В следующую по величине группу входят неорганические химикаты, ценные металлы, радиоактивные элементы – 7,5%¹⁴. Очевидно, что Турции непросто будет добиться увеличения доли своего экспорта в Китай с учетом структуры двусторонней торговли и сложностей проникновения на китайский рынок.

Обсуждается вопрос о частичном переходе к осуществлению расчетов в двусторонней торговле и взаимных инвестициях не в долларах, а в национальных денежных единицах. Реализацию этих планов задерживает ситуация с неустойчивым курсом турецкой лиры.

В Турции ведут деятельность более 1000 зарегистрированных китайских компаний¹⁵. Их число увеличилось в последние годы после того, как в стране

начали действовать несколько китайских банков. В их числе Банк Китая, Китайский Эксимбанк, Китайский банк развития, Индустриальный и коммерческий банк Китая (ICBC), купивший в 2015 г. турецкий Текстильный банк, а также китайская страховая компания Sinosure, которая страхует финансовые риски китайских банков.

В то же время масштабы деятельности китайских компаний в области финансов относительно невелики. По данным турецкого Министерства промышленности технологий 59,9% компаний с китайским капиталом в Турции заняты в сфере оптовой и розничной торговли. На втором месте сфера производства – 9,8%. На третьем энергетика – 7,9%. Финансы и страхование занимают всего 2,6%¹⁶.

Китайские инвестиции в Турции достигают 15 млрд долл.¹⁷ Вложения направляются в сферу энергетики (9,4 млрд долл.), железнодорожное строительство (2,3 млрд долл.), недвижимость (1,1 млрд долл.), фармацевтику (1,1 млрд долл.), портовую инфраструктуру (920 млн долл.), металлургию (440 млн долл.), банковское дело (430 млн долл.), телекоммуникации (100 млн долл.)¹⁸. Инвесторы из Китая привлечены ко второму этапу строительства скоростной железной дороги между Анкарой и Стамбулом. Эта ветка является частью проектируемой скоростной железнодорожной магистрали, которая должна пересечь всю Турцию с востока на запад и стать частью международного транспортного коридора «Железнодорожный шелковый путь», который соединит Китай с Европой.

В 2018 г. было объявлено, что Китай построит в Турции третью АЭС во Фракии (после российской в Аккую и японской в районе Синопа).

Стороны достигли договоренности о совместной работе на китайской космической станции, запуск которой запланирован на 2022 г.¹⁹

Между Турцией и Китаем еженедельно совершается 27 авиарейсов. Для китайцев турецкое авианаправление представляет интерес не только с точки зрения посещения Турции, но и в качестве транзитно-пересадочного пункта на пути в страны Европы. В августе 2019 г. в турецких СМИ появилась информация о намерении неназванной китайской компании купить турецкую авиакомпанию Onur Air (частную). Сумма сделки может составлять от 250 до 300 млн долл. Интересно, что в 2013 г. владельцы продали авиакомпанию иранцам, но через два года выкупили обратно по более дешевой цене (в 2 раза дешевле) в связи с экономическими сложностями в Иране. Они собирались продать ее китайцам еще в 2016 г., но тогда попытка госпереворота в Турции остановила осуществление сделки.

Интерес Анкары к сотрудничеству с Пекином усиливает тот факт, что в отличие от западных партнеров Турции, Китай проявляет готовность делиться технологиями, что отвечает стратегическим задачам, поставленным турецким руководством.

Гуманитарные аспекты турецко-китайский отношений

В последние годы Анкара и Пекин заметно углубили культурно-социальные связи. В турецких университетах появились отделения китаистики и китайского языка. С 2008 г. в Турции действует Институт Конфуция. Расширилось изучение турецкого языка в университетах Китая. Обе страны предоставляют стипендии для иностранных студентов. В 2019 г. в Турции проходили обучение 2 000 студентов из Китая²⁰. За период с 2016 по 2018 г. стипендии на обучение в Китае получили 100 турецких студентов²¹. Р. Т. Эрдоган, находясь в Пекине в 2019 г., заявил о необходимости создания совместных турецко-китайских университетов.

Образовательное сотрудничество затрагивает не только гражданские, но и военные учебные заведения двух стран. Так, в 2018 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Полицейской академией Турции и Национальным полицейским университетом Китая. Документ предусматривает стажировки для студентов, преподавателей и ученых, проведение совместных симпозиумов и выполнение совместных исследований, обмен опытом в области преподавания и исследовательской работы²².

В Китае в 2018 г. проводился Год туризма в Турции, что способствовало росту потока китайских туристов. По данным за 2018 г. их количество почти достигло 400 тыс. человек, увеличившись на 60% по сравнению с 2017 г.²³ В 2019 г. число китайских туристов в Турции возросло до 426 тыс. человек²⁴. Китай занимает лишь 22-е место с точки зрения объема туристического потока в Турцию, поэтому в этой сфере у двух стран широкие перспективы развития сотрудничества. Доля турецкого направления в зарубежных поездках китайцев составляет всего 0,25%²⁵. Стороны рассчитывают, что в течение следующих 2–3 лет количество китайских туристов в Турции увеличится до 1 млн человек²⁶. Возможно, срок достижения этой цели будет не столь кратким, но в целом, она представляется вполне реалистичной, принимая во внимание, что ежегодно более 150 млн китайцев отправляются в зарубежные путешествия.

В Турции рассматривают такие меры по привлечению туристов из Китая как появление указателей и информационных надписей на китайском языке, включение в рацион отелей блюд китайской кухни и появление в отелях персонала, владеющего китайским языком. Учитывают в Анкаре и тот факт, что китайские туристы предпочитают пляжному туризму познавательный, включающий посещение исторических памятников и природных достопримечательностей. В 2018 г. Турция ввела упрощенный порядок получения электронных виз для туристов из Китая.

Отличительной особенностью туристического потока из Китая является высокий по сравнению с представителями других стран уровень расходов. Китайские туристы тратят в Турции в среднем 3 тыс. долларов на человека, в то время как другие иностранные туристы – в среднем 700 долларов

на человека²⁷. То есть, как отмечает турецкий исследователь Э. Демир, один турист из Китая приносит Турции столько же прибыли, сколько четыре туриста из других стран²⁸.

Уйгурский фактор

Источником разногласий между Анкарой и Пекином остается уйгурский вопрос, несмотря на многочисленные попытки руководства Турции и Китая нивелировать влияние этой проблемы на развитие двусторонних отношений. Острый кризис разразился в 2009 г., когда Анкара выступила с резкой критикой действий Пекина, жестко подавившего протестные выступления в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Стремясь избежать серьезного конфликта, турецкие власти заявили о признании политики одного Китая, что послужило росту взаимного доверия сторон. Свидетельством этого стали визиты в СУАР президента А. Гюля (в 2009 г.), министра иностранных дел А. Давутоглу (в 2010 г.) и премьер-министра Р. Т. Эрдогана (в 2012 г.). В 2017 г. Турция признала террористической организацией Исламское движение Восточного Туркестана, что было позитивно встречено в Пекине²⁹.

Однако полностью удалить вопрос об уйгурах из турецко-китайских отношений не удалось в связи с особой чувствительностью Турции к тюркской тематике. В последнее время внимание турецкого руководства к положению уйгуров и жесткой политике китайских властей усилилось по причине сближения правящей Партии справедливости и развития (ПСР) с националистами, с которыми она вступила в альянс в ходе предвыборной кампании 2018 г. В начале 2019 г. реакцию Турции вызвала информация о массовом содержании уйгуров в «перевоспитательных лагерях», а также политика «китаизации религий», проводящаяся с 2017 г. Турецкий МИД призвал Пекин уважать права «турок-уйгуров» и закрыть лагеря, а международное сообщество и Генсека ООН – положить конец гуманитарной трагедии в Синьцзяне³⁰.

Однако в ходе визита Р. Т. Эрдогана в Китай в июле 2019 г. стороны продемонстрировали стремление нивелировать влияние проблемы уйгуров на турецко-китайские отношения. Турецкий лидер заявил о вреде, который причиняют те, кто пытается эксплуатировать уйгурский фактор и действуют эмоционально, не думая об отношениях Турции с другой страной³¹.

Тем не менее, Анкара регулярно выражает Пекину озабоченность в связи с нарушением прав человека в СУАР³², и, скорее всего, этот фактор будет вызывать трения между двумя странами и в дальнейшем. Наряду с повышенным вниманием к положению тюркских народов в других странах и попытками выступать в роли покровителя мусульман там, где они являются религиозными меньшинствами, подход турецких властей к проблеме уйгуров учитывает и наличие в Турции уйгурской диаспоры.

Эмиграция уйгуров из Китая в Турцию началась после установления в Пекине коммунистического режима в 1949 г. и продолжалась с различной

степенью интенсивности в годы «холодной войны». Точная численность диаспоры неизвестна, но она может достигать нескольких десятков тысяч человек, имеющих различный статус – граждан Турции, лиц, имеющих вид на жительство, или беженцев. Созданы различные организации, объединяющие уйгуров, которые поддерживают диалог с турецкими властями. Можно упомянуть Ассоциация просвещения и солидарности Восточного Туркестана (Doğu Türkistan Maarif ve Dayanışma Derneği), штаб-квартира которого расположена в Стамбуле³³. Китайские власти обвиняют организацию в связях с сепаратистами.

Самой незащищенной социальной группой остаются беженцы, наиболее компактно проживающие в Стамбуле и Кайсери. Представители уйгуров выражают опасения спада внимания Анкары к родственному меньшинству вследствие развития отношений между Турцией и Китаем, который требует депортации всех уйгуров на родину³⁴. Несмотря на поддержку, которую уйгурам оказывают различные турецкие НПО, их материальное положение зачастую остается сложным, поскольку возможности трудоустройства при отсутствии турецкого гражданства ограничены.

Отдельную группу представляют студенты-уйгуры. В их числе студенты, проходившие обучение в мусульманских учебных заведениях Египта, но впоследствии перебравшиеся в Турцию. Причиной этого стали депортации по требованию китайских властей, начавшиеся в 2017 г.³⁵ Переехавшим в Турцию студентам приходится начинать свое обучение заново по причине несоответствия программ египетских и турецких ВУЗов. Они также переживают трудности материального характера, не имея связи со своими родными в Китае, и вынуждены совмещать учебу с подработкой на низкооплачиваемых неквалифицированных работах.

Представляется, что, несмотря на расширение турецко-китайских связей и глубокую заинтересованность Анкары в конструктивном диалоге с Пекином, Турция не пойдет на полный отказ от поддержки уйгурского меньшинства, близкого туркам с этнической и религиозной точек зрения.

Проблема Тайваня и отношения между Анкарой и Пекином

Отношения Турции с Тайванем имеют продолжительную историю. В 1949 г. Анкара признала Тайвань в качестве Китайской Республики, руководствуясь логикой начинавшейся «холодной войны», во время которой Западный лагерь стремился сдерживать распространение коммунизма. В 1956 г. остров посетила официальная делегация Турции во главе с министром иностранных дел Ф. Зорлу. В 1958 г. в Тайване побывал турецкий премьер-министр А. Мендерес, выступивший с речью в тайванском парламенте. Турция и Тайвань подписали соглашение о культурном сотрудничестве, развитием которого стало создание отделений турецкого и китайского языков в университетах двух стран.

В 1971 г. Анкара признала пекинское правительство и перенесла посольство из Тайбэя в Пекин. Это привело к естественному спаду политических отношений с Тайванем, который был вынужден уступить КНР свое место в Совбезе ООН и право считаться Китаем. Страны Западного лагеря были заинтересованы в расширении связей с Пекином и пошли на ограничение сотрудничества с Тайванем. Турция исключила политическую составляющую из своего взаимодействия с Тайванем, однако торговый оборот Анкары с этим «азиатским тигром» еще долго превышал объем ее торговли с КНР. Так, в 1970 г. торговый оборот с Тайванем составлял 1,7 млн долл., а с КНР – 0,9 млн долл. В 1980 г. торговля с Тайванем увеличилась до 15,5 млн долл., а с КНР – всего до 2,2 млн долл.. Даже в 1990 г. объем торговли с Тайванем – 301 млн долл. – все еще превышал торговлю с КНР – 283 млн долл.³⁶ Лишь в 2000-е годы произошел стремительный рост внешнеэкономической активности Китая на турецком направлении.

После окончания «холодной войны» начались попытки оживления турецко-тайваньских связей. На развитие этого процесса повлияла не только объективные экономические интересы двух стран, но также возникновение в турецко-китайских отношениях напряженности, вызванной уйгурской проблемой. В Анкаре было открыто Тайваньское экономическое и культурное представительство, а в Тайбэе – Турецкое торговое представительство, которые с тех пор координируют развитие сотрудничества сторон.

В 1993 г. был создан Турецко-Тайваньский деловой совет, деятельность которого в полной мере активизировалась лишь в 2000-е гг. Заинтересованность двух стран в расширении географии внешнеэкономических связей привела к росту торговли между Турцией и Тайванем. Если в 2000 г. двусторонний торговый оборот составлял 631 млн долл., то в 2019 г. объем торговли двух стран превысил 1,5 млрд долл.³⁷ При этом турецкий импорт из Тайваня составил 1,274 млрд долл. (по сравнению с 562,8 млн долл. в 2000 г.), а турецкий экспорт в Тайвань – 248,9 млн долл. (по сравнению с 69 млн долл. в 2000 г.)³⁸. В основном Турция импортирует из Тайваня электронику и продукцию из нержавеющей стали. Турецкий экспорт состоит из синтетического волокна, сырья для удобрений и железа.

Руководство Тайваня еще в 2010 г. разработало «дорожную карту» расширения сотрудничества с Турцией. Были выделены четыре приоритетные задачи: упрощение визового режима; начало прямого авиасообщения между двумя странами; открытие Тайваньского экономического и культурного представительства в Стамбуле, который является деловым центром Турции; подписание соглашения о свободной торговле³⁹.

Турецко-тайваньские отношения являются объектом пристального внимания со стороны Китая, выражающего недовольство любым расширением контактов между сторонами. Регулярные заявления Анкары о приверженности «политике одного Китая» не устранили настороженности Пекина в этом вопросе. Турецкие эксперты отмечают, что КНР не возражает против развития

особых отношений между Тайванем, с одной стороны, и США, Японией или Германией, с другой стороны. Однако любая попытка Анкары и Тайбэя облегчить визовый режим или наладить прямое авиасообщение вызывает протесты китайских властей⁴⁰.

В 2013 г. Турции и Тайваню удалось наладить упрощенное получение виз. С 2015 г. авиакомпания Турецкие авиалинии начала осуществлять прямые рейсы в Тайбэй. Тем не менее, Анкара учитывает позицию Пекина и ищет компромиссные варианты углубления связей с Тайванем. Власти Тайваня предлагали Турции подписать соглашение в области авиации, но Анкара настояла на том, что договоренность о сотрудничестве и прямых рейсах будет заключена между двумя авиакомпаниями – ТНУ и тайваньской EVA Air как членами международного авиационного альянса Star Alliance. Когда в 2018 г. ТНУ начали осуществление прямых грузовых рейсов в Тайбэй, Китай поначалу запрещал использовать свое воздушное пространство для таких рейсов. Турецким самолетам приходилось подлетать к Тайваню через Вьетнам, что удлиняло продолжительность полета на два часа⁴¹.

В 2018 г. Турция и Тайвань подписали соглашение о предотвращении двойного налогообложения. Задача подписания соглашения о свободной торговле остается нерешенной не только из-за позиции Китая, но и по причине ограничений, которые накладывает на Анкару членство в Таможенном союзе Евросоюза. Открытым остается вопрос о тайванском представительстве в Стамбуле.

Турецкий исследователь К. Касым полагает, что перспективным направлением расширения связей между Турцией и Тайванем является сфера образования. Возможно развитие сотрудничества университетов и мозговых центров, обмен студентами и научные стажировки. Кроме того, по мнению Касыма, Турция может оказать Тайваню помощь в выходе на рынки стран Европы, Центральной Азии и Кавказа, а Тайвань – облегчить вхождение турецких компаний на рынок Китая. Речь идет о партнерских компаниях и совместных инвестиционных проектах, в которых заинтересованы обе стороны⁴².

Развивая сотрудничество с Тайванем, Анкара вынуждена учитывать позицию Пекина, проявлять осторожный подход и искать компромиссные формулы. Активизация турецко-китайских отношений последних лет усиливает стремление турецкого руководства избегать конфликтов с Пекином, тем более что в отношениях двух стран уже присутствует уйгурская проблема, полностью устранить которую едва ли будет возможно. В связи с этим перспективы углубления турецко-тайваньских связей будут в значительной мере зависеть от состояния отношений между Пекином и Тайбэем, которые меняются в зависимости от степени стремления тайваньского руководства к проведению автономной политики.

Турецкие оценки перспектив и сложностей сотрудничества между Анкарой и Пекином

Расширение контактов между Турцией и Китаем привлекает внимание турецких политологов, которые в своих публикациях высказывают различные мнения относительно состояния и перспектив турецко-китайских отношений. Представляется интересным в заключение нашей статьи привести некоторые оценки турецких исследователей.

В июле 2019 г. на сайте TRT на различных языках появилась статья профессора Кудрета Бюльбюля «Как мы должны рассматривать Китай?». В ней отмечалось, что в турецком обществе распространены противоречивые подходы к Китаю, идет немало антикитайских дискуссий. Сам автор в июне 2019 г. посетил Китай в составе группы представителей научных и журналистских кругов по приглашению китайского посольства. По личным наблюдениям автора, «там, где Китай демонстрирует современность, на первом плане оказываются западная культура, западные компании, стили, одежда и мода. В магазинах почти нет рекламы с моделями китайской внешности. Китай может стать сверхдержавой, но глядя на процессы, происходящие в культуре Китая, кажется, он не способен создать уникальную современность, основанную на китайской идентичности и цивилизации».

В ходе поездки автор пришел к выводу, что для китайцев вопрос об уйгурах является более чувствительным, чем для турок. Китайцы полагают, что Запад использует против них уйгурский вопрос для того, чтобы затормозить развитие Китая и расчленить его. Они считают, что Турция не должна поддерживать западные страны и вмешиваться во внутренние дела Китая. Однако позиция Турции по уйгурам кардинально отличается от западной. Интерес Турции к уйгурам обусловлен историческими и культурными причинами. Отношения с тюркскими народами – это особая сфера ответственности Турции. Турция не может игнорировать уйгурскую проблему. Проживание тюрков на Балканах, в России, Иране, на Ближнем Востоке Анкара рассматривает как возможность для расширения отношений с этими странами. Возможно, Турция – единственная страна, которая способна укрепить Китай и ослабить его опасения в том, что уйгуров можно использовать против него. С целью поисков решений проблем между Турцией и Китаем можно создать совместную рабочую группу. Необходимо разработать стратегические перспективы турецко-китайских отношений, и уйгурский вопрос будет занимать часть двусторонних отношений, а не всю повестку дня⁴³.

Проблема уйгуров привлекла внимание и колумниста газеты «Дейли Сабах» Мухаммеда Али Гюлера, полагающего, что Анкара и Пекин должны открыто обменяться мнениями по этому вопросу. В одной из своих статей Гюлер предложил «программу» решения проблемы, включающую в себя посещение Синьцзяна международными делегациями, с целью удостовериться в благополучном положении мусульман; предоставление Турции

возможности оказывать уйгурам гуманитарную поддержку в рамках международного права; соблюдения китайским правительством прав уйгуров в области вероисповедания и образования; изменение подхода к уйгурам, которых следует считать не террористами, а равноправными гражданами⁴⁴. Сомнительно, что этот перечень шагов, отражающих чаяния турецкой стороны, может быть принят китайцами. Тем не менее, автор считает, что уйгурский вопрос следует рассматривать как возможность для Турции и Китая больше узнать друг о друге.

Публикация Гюлера интересна тем, что она иллюстрирует присущее туркам стремление позиционировать свою страну в качестве представителя целых регионов. «Китай должен понять, что гуманитарный подход Турции носит объективный характер, так как Турция говорит от имени мусульман Азии, Балкан, Ближнего Востока и Африки»⁴⁵, – пишет автор.

Еще одним распространенным аспектом турецкого взгляда на отношения двух стран является сравнение Турции и Китая.

Упомянувшийся выше профессор Бюльбюль находит у Турции и Китая много общего: две страны с древней историей, богатой культурой и особой цивилизацией; в XX веке их роль на мировой арене была сильно ограничена; быстроразвивающиеся экономики; стремятся играть более активную роль в глобальном порядке; сталкиваются с похожими стратегическими проблемами; зависимы от поставок природных ресурсов; нуждаются в многостороннем стратегическом сотрудничестве; занимают схожие позиции по многим событиям в мире; подвергаются давлению и угрозам санкций со стороны США⁴⁶. В свою очередь М. А. Гюлер отмечает такие совпадающие моменты, как защиту обеими странами своих собственных ценностей и политики, а также сопротивление любому давлению⁴⁷.

Турецкий автор Чагдаш Унгёр полагает, что после попытки переворота в Турции в 2016 г. во внешней политике Анкары усилился евразийский вектор, включающий в себя расширение связей с Москвой и Пекином, занявшими более лояльную позицию по отношению к турецкому руководству и его мерам наведения порядка, чем страны Запада. Позитивное впечатление в Анкаре произвел состоявшийся через две недели после неудавшегося путча визит заместителя министра иностранных дел Китая Ж. Минга с выражениями поддержки Р. Т. Эрдогану.

Унгёр отмечает, что турецкие политологи, особенно, близкие к правительству, отрицают смену приоритетов Анкары и утверждают, что углубление турецко-китайского сотрудничества не противоречит атлантическим связям Турции, но дополняет их. При этом турецкие эксперты предпочитают делать акцент на прагматическом характере отношений между Анкарой и Пекином⁴⁸.

Сам Унгёр разделяет мнение о важной роли прагматизма в подходе Анкары к сотрудничеству с Китаем. Турция, как развивающаяся страна с высокой потребностью в иностранных инвестициях, туристах и трансфере технологий стремится к расширению связей с Пекином. При этом в отличие от США

и Евросоюза, Турцию не слишком беспокоит рост глобального влияния Китая, поскольку Анкара и Пекин находятся в разных «весовых категориях» на мировой арене. Турецкое руководство, заинтересованное в расширении свободы маневра во внешней политике, видит в поднимающемся Китае больше возможностей, чем угроз⁴⁹.

Алтай Атлы из Университета Коч полагает, что экономический интерес Китая к Турции определяет стремление к возрождению Шелкового пути. Для Пекина это не просто инфраструктурный проект, но формирование нового экономического порядка. Что касается Турции, то она рассчитывает диверсифицировать источники инвестиций, значительную долю которых составляют финансы стран Европы и Персидского Залива⁵⁰.

Любопытным представляется и мнение представителя Китая – вице-президента Китайской ассоциации ближневосточных исследований Ли Вейжана. Он полагает, что обе страны сталкиваются с экономическими трудностями по причине американских санкций, связанных с покупкой нефти у Ирана. У Турции нет принципиальных разногласий с США, но только противоречия с администрацией Трампа. Ухудшение экономической ситуации в стране грозит негативно отразиться на электоральных перспективах Эрдогана, потому он уделяет повышенное внимание экономике. Сотрудничество с Китаем может помочь Анкаре выбраться из экономической ямы. Турция, расположенная на пересечении путей между Западом и Востоком, осознала, что она может получить выгоду от предложенного Китаем проекта «Один пояс, один путь». Испытывая напряженность в отношениях с США, Анкара стремится укрепить связи с великими державами, такими как Китай и Россия, чтобы использовать их в качестве рычага против Вашингтона. Тем не менее, в турецко-американских отношениях не происходит никаких фундаментальных перемен. Анкара просто хочет показать Вашингтону наличие у нее различных альтернатив, чтобы добиться больших выгод⁵¹. Очевидно, что оценки китайского эксперта несколько отличаются от той картины, которую видят его турецкие коллеги.

Проводящиеся в Турции опросы общественного мнения позволяют составить представление о взглядах турецкого общества на Китай и турецко-китайские отношения. В частности, информацию по данному вопросу содержат ежегодные опросы, которыми занимаются эксперты из стамбульского Университета Кадир Хас. Интервьюеры опрашивают 1000 человек в различных провинциях Турции, задавая им одни и те же вопросы.

В 2019 г. 10,4% респондентов выбрали Китай, отвечая на вопрос о том, с какими странами Турции следует сотрудничать во внешней политике. В 2018 г. их доля составляла 4,8%, в 2017 г. – 3,4%⁵². В 2019 г. 21,1% участников опроса отметили Дальний Восток и Китай в качестве направления, на котором Анкаре следует проводить более активную внешнюю политику. В 2018 г. такое мнение выразили 19,7%, в 2017 г. – 14,9%⁵³.

Расширение турецко-китайского сотрудничества, планы по реализации проекта «Один пояс, один путь», позитивно освещавшиеся в турецких СМИ, возымели свой эффект на общество, как свидетельствуют ответы на вопрос об отношении к различным странам. В 2019 г. 16,1% турецких респондентов назвали Китай другом Турции по сравнению с 0,9% в 2018 г. и 0,5% в 2017 г.⁵⁴ При этом 20,2% опрошенных не смогли определиться, а 63,7% ответили, что Китай другом Турции не является.

Разделение мнений произошло и по вопросу о том, может ли Китай представлять угрозу для Турции. 41% опрошенных согласились с данным утверждением, 21,9% не смогли определиться, а 37,1% не поддержали эту формулировку⁵⁵. Все это означает, что в турецком обществе идет формирование положительного отношения к Китаю, хотя далеко не все разделяют такой подход. В своем отношении к новому восточноазиатскому партнеру Анкары турецкое общество расколото, как и по многим другим вопросам. Тем не менее, источник угрозы в Китае видит менее половины респондентов, что резко контрастирует с напряженным отношением турок к США, Израилю и ряду европейских стран. По данным того же опроса, 81,3% турок видят США в качестве угрозы для Турции. 70,8% – воспринимают в качестве угрозы Израиль, 65% – Францию, 62,8% – Великобританию⁵⁶.

На современном этапе отношения между Турцией и Китаем активно развиваются, включая в себя различные направления взаимодействия. Движущей силой турецко-китайского сближения остаются экономические интересы сторон, включая инфраструктурные проекты в рамках китайской инициативы возрождения Шелкового пути. Для Анкары может быть важна опора на Китай в ситуации санкционного давления со стороны США из-за покупки российских систем С-400, а также европейских санкций в связи с конфликтом вокруг углеводородных ресурсов в Восточном Средиземноморье. Представляется, что Пекин может оказать Турции косвенную поддержку за счет расширения экономического сотрудничества и вложения инвестиций, но не станет вовлекаться в международные конфликты. Ключевым источником разногласий между Анкарой и Пекином остается уйгурский вопрос, однако обе стороны прилагают усилия для снижения влияния этой проблемы на перспективы развития двусторонних связей. Вместе с тем отношения с Китаем занимают все большее место в общественном дискурсе в Турции, что отражает тенденции долгосрочного характера. Это не означает отказа Анкары от западного вектора своей внешней политики, но расширяет спектр возможностей Турции на мировой арене.

Литература

1. Çavuşoğlu M. 2019 Yılına Girerken Dış Politikamız. URL:// [http : //www.mfa.gov.tr/site_media/html/2019-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf](http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2019-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf). S. 112. (дата обращения: 05.10.2019).
2. Erdogan R.T. Turkey, China share a vision for future. 01.07.2019. URL:// <http://www.globaltimes.cn/content/1156357.shtml> (дата обращения: 29.11.2019).
3. Türkiye-Çin Dış Ticaret Değerleri. URL:// http://www.ekonomi.gov.tr/portal/faces/oracle/webcenter/portalapp/pages/content/htmlViewerUlkeler.jspx?contentId=UCM%23dDocName%3AEK-159945&countryName=%C3%87in%20Halk%20Cumhuriyeti&contentTitle=T%C3%BCrkiye%20ile%20Ticaret&_afLoop=78212266595504&_afWindowMode=0&_afWindowId=null (дата обращения: 06.11.2019).
4. Ülkelere Göre Dış Ticaret. URL:// <https://biruni.tuik.gov.tr/disticaretapp/disticaret.zul?param1=4¶m2=0&sitcrev=0&isicrev=0&sayac=5808> (дата обращения: 26.03.2020).
5. Cumhurbaşkanı Erdoğan Çin'de. URL:// http://www.mfa.gov.tr/cumhurbaskani-erdogan-cin_de.tr.mfa (дата обращения: 27.11.2019).
6. 6 Çin2021'ekadarTürkiye'dekiyatırımlarıikiyekatlamayıhedefliyor.URL://<https://www.deik.org.tr/basin-aciklamalari-cin-2021-e-kadar-turkiye-deki-yatirimlarini-ikiye-katlamayi-hedefliyor> (дата обращения: 29.11.2019).
7. Ibid.
8. Ülkelere Göre Dış Ticaret. URL:// <https://biruni.tuik.gov.tr/disticaretapp/disticaret.zul?param1=4¶m2=0&sitcrev=0&isicrev=0&sayac=5808> (дата обращения: 26.03.2020).
9. Dilek Ş., Özdemir B.Z., İstikbal D. Asya Yüzyılında Türkiye-Çin Ekonomik İlişkileri. SETA Yayınları 144. İstanbul, 2019. S. 32.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid. S. 33.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Çin 2021'e kadar Türkiye'deki yatırımları ikiye katlamayı hedefliyor...
16. Dilek Ş., Özdemir B.Z., İstikbal D. S. 49.
17. Ibid. S. 44.
18. Ibid. S. 45.
19. Türkiye ve Çin, Ay'ı beraber keşfedecek. URL:// <http://www.ntv.com.tr/arsiv/id/25484228> (дата обращения: 10.02.2020).

20. Çin 2021'e kadar Türkiye'deki yatırımları ikiye katlamayı hedefliyor...
21. Çin İstanbul Başkonsolosu Wei: Bu hızla devam ederse 1 milyon sayısına 2-3 yıl içinde ulaşılır. 10.05.2019. URL:// <https://www.cnnturk.com/yerel-haberler/istanbul/merkez/cin-istanbul-baskonsolosu-wei-bu-hizla-devam-ederse-1-milyon-sayisina-2-3-yil-icinde-ulasilir-991805> (дата обращения: 29.11.2019).
22. Türkiye Polis Akademisi ve Çin Ulusal Polis Üniversitesi Arasında İşbirliği Anlaşması İmza Töreni. URL:// <https://pa.edu.tr/turkiye-polis-akademisi-ve-cin-ulusal-polis-universitesi-arasinda-isbirligi-anlasmasi-imza-toreni-haberler.html> (дата обращения: 27.03.2020).
23. Çavuşoğlu M. 2020 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. URL:// http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2020-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf. S. 103. (дата обращения: 27.11.2019).
24. Türkiye'yi ziyaret eden Çinli turist sayısı son 20 yılda 20'ye katlandı. URL:// <https://www.turizmgunlugu.com/2020/02/01/turkiyeye-ne-kadar-cinli-turist-geliyor/> (дата обращения: 27.02.2020).
25. Dilek Ş., Özdemir B.Z., İstikbal D. S. 58.
26. Çin İstanbul Başkonsolosu Wei: Bu hızla devam ederse 1 milyon sayısına...
27. Kurt N. Türkiye-Çin ilişkileri. 07/30/2019. URL:// <https://uwidata.com/tr/4535-turkiye-cin-iliskileri/> (дата обращения: 27.04.2020).
28. Ibid.
29. Türkiye, Doğu Türkistan İslami Hareketi'ni terör örgütü olarak tanıdı. URL:// <https://tr.euronews.com/2017/08/03/turkiye-dogu-turkistan-islami-hareketini-terror-orgutu-olarak-tanidi> (дата обращения: 05.02.2020).
30. SC-06, 9 Şubat 2019, Dışişleri Bakanlığı Sözcüsü Hami Aksoy'un Uygur Türklerine Yönelik Ağır İnsan Hakları İhlalleri ve Halk Ozanı Abdurrehim Heyit'in Vefatı Hakkındaki Soruya Cevabı. URL:// http://www.mfa.gov.tr/sc_-06_-uygur-turklerine-yonelik-agir-insan-haklari-ihlalleri-ve-abdurrehim-heyit-in-vefati-hk.tr.mfa.
31. Güler M.A. Turkey-China relations and beyond. Aug 16, 2019. URL:// <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/08/16/turkey-china-relations-and-beyond> (дата обращения: 05.02.2020).
32. Çavuşoğlu M. 2019 Yılına Girerken Dış Politikamız... S. 112.
33. Doğu Türkistan Maarif ve Dayanışma Derneği. URL:// <https://www.maarip.org>. (дата обращения: 05.02.2020).
34. Karluk A.C. Uyghur Refugees Living in Turkey and Their Problems / Exchange of Experiences for the Future: Japanese and Turkish Humanitarian Aid and Support Activities in Conflict Zones (ed.Dündar A.M.). Ankara, 2018. P. 91.
35. Ibid. P. 93.

36. Colakoglu S. The Turkish Understanding of “One China”: Turkey’s Delicate Policy Balance between Taiwan and China. URL: // <https://theasiadialogue.com/2019/08/22/the-turkish-understanding-of-one-china-turkeys-delicate-policy-balance-between-taiwan-and-china/> (дата обращения: 20.04.2020).
37. Dış Ticaret İstatistikleri. URL: // http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046 (дата обращения: 15.04.2020).
38. Ibid.
39. Colakoglu S. Turkey-Taiwan Relations: Opportunities and Limitations. URL:// <https://taiwaninsight.org/2018/04/05/turkey-taiwan-relations-opportunities-and-limitations/> (дата обращения: 21.04.2020).
40. Kasım K. Turkey-Taiwan Relations in the Context of Turkey’s Asia Pacific Policy // *Uluslararası İlişkiler*, Volume 12, No. 45 (Spring 2015). P. 94.
41. Colakoglu S. Turkey-Taiwan Relations: Opportunities and Limitations...
42. Kasım K. Turkey-Taiwan Relations in the Context of Turkey’s Asia ... P. 97.
43. Бюльбюль К. Как мы должны рассматривать Китай? 26.06.2019. URL:// <http://www.trt.net.tr/russian/programmy/2019/06/26/kak-my-dolzhny-rassmatrivat-kitai-1225059> (дата обращения: 29.11.2019).
44. Güler M.A. Turkey-China relations and beyond. AUG 16, 2019. URL:// <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/08/16/turkey-china-relations-and-beyond> (дата обращения: 05.02.2020).
45. Ibid.
46. Бюльбюль К. Как мы должны рассматривать Китай? 26.06.2019. URL:// <http://www.trt.net.tr/russian/programmy/2019/06/26/kak-my-dolzhny-rassmatrivat-kitai-1225059> (дата обращения: 29.11.2019).
47. Güler M.A. Turkey-China relations and beyond. AUG 16, 2019. URL:// <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/08/16/turkey-china-relations-and-beyond> (дата обращения: 05.02.2020).
48. Üngör Ç. Heading towards the East? Sino-Turkish relations after the July 15 coup attempt / *Turkey's Pivot to Eurasia Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order* (ed. Erşen E., Köstem S.). Routledge, 2019. Pp. 64-65.
49. Ibid. P. 70.
50. Çin'den Türkiye'ye para "kuşağı". 03.10.2019. URL:// <https://www.dw.com/tr/%C3%A7inden-t%C3%BCrkiye-para-ku%C5%9Fa%C4%9F%C4%B1/a-50681514>.
51. Weijian L. Erdogan’s China visit aims at giving a shot in arm to Turkey’s economy. 2019/7/1. URL:// <http://www.globaltimes.cn/content/1156382.shtml> (дата обращения: 30.11.2019).

52. Türk Dış Politikası Kamuoyu Algıları Araştırması. 2019. Kadir Has Üniversitesi. URL: [https:// www.khas. edu.tr/tr/haberler/turk-dis-politikasi-kamuoyu-algilari-arastirmasi-2019-sonuclari-aciklandi](https://www.khas.edu.tr/tr/haberler/turk-dis-politikasi-kamuoyu-algilari-arastirmasi-2019-sonuclari-aciklandi). P. 29 (дата обращения: 15.04.2020).
53. Ibid. P. 30.
54. Ibid. P. 27.
55. Ibid. P. 28.
56. Ibid.